

Глава 2

СЛЕДЫ АРХАИЧЕСКИХ НОРМ ПРАВА В САГАХ О КОНУНГАХ

Саги о конунгах «Круг земной» (*Хеймскрингла*) — авторское произведение, составленное в конце XII века исландцем Снорри Стурлусоном, знатком скандинавского эпоса, мифологии и поэзии скальдов, автором Младшей Эды. «Круг земной», как и все наследие средневековой литературы Северной Европы, должным образом изучался специалистами в этой области, и результаты этих исследований, несомненно, значительны. Но в данном случае не о них речь. Поскольку поиски элементов архаического права, восходящего корнями к стадии организации общественной жизни по принципу возрастного деления, оказались результативными не только в африканских этнографических (и средневековых исторических) материалах, но и в древнегреческой мифологии и эпике, в эпике древней Индии, в героическом эпосе Северной Европы, в средневековых генеалогиях Западной Европы и в русских летописях, то совершенно естественно стремление поискать следы этой традиции и в сагах о конунгах. Архаическая традиция «возрастного права» довольно быстро распадается в любом этносе по мере развития в нем имущественного расслоения и заменяется нормами связей и отношений, опирающимися на принцип кровного (физиологического) происхождения. Но в социально-высшем слое общества, у знати, этот переход замедлен и сопровождается сложными противоречиями сосуществования двух систем права: уходящей социально-возрастной и новой, кровнородственной. Дольше всего элементы и следы архаических социально-возрастных норм права сохраняются в династиях верховных правителей, видимо, в первую очередь как «внутреннее средство», доказывающее извечность власти.

Кратчайшее изложение этих явлений в переходный период выглядит так. В своей последней фазе развития возрастная система социальной организации имела в социально-активном цикле шесть возрастных социально-правовых ступеней (или статусов), из которых пять относились к младшему «колону», а шестая — к старшему. Через эту «сетку» дискретно проходило пять мужских групп социальных сверстников и четыре женских, каждая имела свое общее «тотемическое имя», которое давалось ей при вступлении в I (самый младший) статус. Жесткая норма брака (эпигамия), право на который женщины получали в момент перехода из II статуса в III, а мужчины — из III в IV, с одной стороны, определяла полноправие членов коллектива, а с другой — связывала брачными отношениями смежные по

статусу социально-возрастные группы. При «верстании» очередной группы физиологическое происхождение входящих в нее детей не учитывалось, определяющей была способность к хотя бы минимальной самостоятельности. Сверстанная новая группа переходила в ведение членов самой старшей (6), которая, относясь к старшему «колену», вместе с 5 (старшей в младшем колене) считалась «родителями» новой группы (группы «детей»). Если считать группу «детей» отчетной (т. е. группой ЭГО), то мужчины 6 будут ее «отцами», а женщины 5 — «матерями», при этом мужчины 5 (социальные сверстники «матерей») будут «братьями матерей», а женщины 6-й на таком же основании «сестрами отцов». Члены группы ЭГО, как и в любой другой, — бракозапретными (одновозрастными, одно-статусными) «братьями» и «сестрами». Для «сестер» мужчины смежной старшей группы будут «мужьями» («дети сестер отцов»), а для их «братьев» женщины младшей смежной группы — «женами» («дочери» «братьев матерей»).

Именно эти права-обязанности фиксировали групповые термины «родства» классификационных систем родственной терминологии турано-ганованского типа. Сложнее обстояло с «тотемическими именами» групп. Их в «цикле» было 5 мужских и 4 женских. Таким образом, норма эпигамного брака связывала смежные группы со смещением в каждом колене имен брачующихся (первое мужское имя повторялось через пять статусов, а первое женское — через четыре). Иначе говоря, «дочери» получали имя «матерей», а «сыновья» — имя «отцов»; мужчины одного имени, но разных колен («дети», «отцы», «деды» и т. д.) имели женами женщин с разными именами, как соответственно — и женщины одного имени, но разных колен.

Выделение кровного потомка социально «выдающейся» персоны в системе возрастных групп (когда это понадобилось обществу) могло осуществиться только в такой форме: это мог быть только первенец, т. е. тот, кто получал право на брак и полноправие в момент выхода физиологического отца из VI статуса во внесоциальное состояние. Только в момент перехода мужчин из III статуса в IV, и их «отцов» — в «предки», какая-то привилегия, сан или общественная должность могла перейти к преемнику с учетом его физиологического происхождения от лица, некогда исполнявшего соответствующие общественные функции. При этом не происходила передача права от отца к сыну, этому препятствовал основной принцип возрастной системы — любое право или обязанность давались только на время одного статуса, ибо принадлежали не группе, не выделенному из нее индивиду, а соответствующему возрастному статусу (статус детей, статус юношей, статус воинов, статус мужей-вождей, статус старцев, «статус» внесоциальных стариков-предков). Так «на фоне» пятисегментной (в одном колене возрастной структуры) в определенное стадияльное время возникала трех-сегментная кровнородственная структура для передачи права занимать

высокий социальный пост, где право наследовалось от трех отцов тремя их первенцами и отправлялось статусное время каждым из трех «братьев» в колене по очереди возраста, затем передавалось старшему из следующего колена и т. д. Момент передачи сана от «брата» к «брату» совпадал, таким образом, с брачным обрядом преемника, т. е. жена «вводила» мужа в сан. Возможно, что сначала выделилась система из трех «сестер», от которых некое «священное» право наследовали их три дочери, а их мужья, получавшие сан, избирались из мужчин соответствующих возрастных групп по иным (не кровным) принципам — сказать трудно. Однако в процессе своего развития трехступенчатая кровнородственная система особого права (первый кровнородственный социально-правовой «организм», предшественник линейного генеалогического экзогамного рода) оказалась системой замкнутой и в брачном отношении, т. е. трое мужчин колена (родные или двоюродные братья) по норме эпигамии женились на своих сестрах (родных или двоюродных), а точнее, старший и второй — на сестрах, третий — на старшей племяннице (т. е. на старшей женщине колена детей).

Вообще, соблюдение и кровного родства, и архаических правил возрастной системы при индивидуальном характере права создавало множество трудностей для идеального функционирования трехступенчатой системы кровного права. Даже в наше время нельзя по своему усмотрению родить мальчика в одно время и девочку — в другое, как невозможно обеспечить продолжительность их жизни определенным сроком. Так в системе возникали и недостатки нужных лиц, и их избыток. Если избыточные просто оказывались вне права, то недостатки, видимо, пополнялись либо избранниками из своего этноса, либо из числа лишних в аналогичных структурах соседних этносов. Преждевременная смерть братьев-наследников могла продлить пребывание в сане (при условии повторных браков с теми сестрами, которые должны были бы стать женами братьев-наследников, — этим ритуалом как бы «восстанавливался» брачный возраст того, кто должен был сложить с себя сан). Но и в таких ситуациях время было ограничено общим временем трех статусов. Старший брат мог пробыть в сане все это время, женившись, кроме «законной» жены-сестры, еще на ее младшей сестре, затем — на своей старшей дочери; второй — еще только на старшей племяннице, а третий брат права на повторный брак не имел. Женщина, если ее муж умирал вскоре после брачного обряда (введившего ее мужа / старшего брата в сан), не могла вторично выйти замуж за следующего брата-наследника, так как он был ее одностатусным братом (абсолютно бракозапретным), и пост безвременно умершего на остаток его статусного времени временно замещал или более младший брат, или старший сын этой женщины (для чего повторялся брачный ритуал с «заместителем»).

Хранимые устной традицией, все эти разнообразные правовые вариации в виде неких «мнемоник» (и поэтических, и прозаических по форме), в той

или иной сохранности известные и тогда, когда сама система трехступенчатого права перестала действовать регулярно или разрушилась, и создали в литературном творчестве последующих времен некие странные и удивительные «сообщения» о древних порядках или об отдельных «поступках» легендарных лиц, поступках и явлениях, которые не умещаются в нормы более поздних представлений.

Что же касается развития самой трехступенчатой кровнородственной системы, то она прошла через стадию учета не статусного времени рождения ее членов, а только порядка их последовательного рождения, прошла через стадию двухступенчатости (с упразднением «линии» третьего брата), или через стадию появления полного запрета брака кровных родственников (экзогамия) с пожизненным правом на занятие поста, или через стадию «распада права», когда каждый занимавший пост порождал трех правовых сыновей и т. д. (остальные дети правом не пользовались, а право троих порождало кровавые споры); могла пройти и через стадию «великой битвы» между кровными линиями двух братьев. Во всяком случае, процесс разрушения трехступенчатой системы особого права кончался упразднением «права братьев» наследника (или «права его дядей») и установлением династийного майората (где братья или дядя сохраняли право наследства только в случае, когда наследник умирал, не оставив потомства). О древних же архаических нормах права наследования, включающих и права женщин (сестер), вспоминали только при обосновании прав новой династии, которая, как правило (реально или искусственно — видимо, не существенно), присоединялась к правовой линии предшествующей династии через брак с ее женщинами. Можно еще заметить, что к различным элементам архаического права возвращались знатоки правовых традиций в моменты сложных политических ситуаций в средневековой общественной жизни и Европы, и Азии, и это делалось несмотря на сильное давление «канонического права» крупных религий. Соответствующие «документы» составлялись, видимо, неоднократно, а позже на их основе и целые «сводь» — как, например, «Повесть временных лет», «Деяния данов», «Истории» династий королей английских, французских и т. п. К ним же относится и «Круг земной», долженствовавший доказать право династии конунгов, точнее, право быть конунгом потомку ярла Эрлинга Кривого, Магнусу Эрлингсону, или тех, при которых жил составитель этого документа — Снорри Стурлусон.

«Круг земной» — документ чрезвычайно сложной композиции, и его можно исследовать и «снизу вверх», и «сверху вниз». Если идти от предполагаемой цели его составления как доказательства права Магнуса Эрлингсона быть конунгом, то, в принципе, достаточно найти «место внедрения» в родословный список конунгов, т. е. обратить внимание на то, что его отец, ярл Эрлинг, был женат на Кристине, сестре конунга Магнуса Слепого (сына конунга Сигурда Крестоносца). Таким образом, формально

(согласно архаическому праву) ярл Эрлинг оказывался «равно-статусным братом» конунга Магнуса, и его сын, Магнус Эрлингсон (если бы не было других наследников), мог стать конунгом. Но наследники были: шесть конунгов — три двоюродных брата Магнуса Слепого (восходящие, как и его отец, Сигурд, к конунгу Магнусу Голононому) и три их потомка. Видимо, только такой знаток древнего права, каким был исландец Снорри Стурлусон, и мог обосновать право новой династии. Время, с политической точки зрения, было трудное. Это можно заключить хотя бы уже по тому, что традиция дает (после Магнуса Голононого) два «колена» конунгов по пять персон. Кроме того, Эрлинг был ярлом, т. е. родственником «древа» конунгов по женской линии, не имевшим права на избрание конунгом. Но, тем не менее, сын ярла Эрлинга, Магнус, конунгом был избран.

Очевидно, что к соответствующему времени (1163 г.) произошел какой-то перелом в нормах права, вызванный существенным изменением в социальном развитии общества. Напрашивается вопрос, который, казалось бы, и не требует специального обсуждения — кто же такие в этноисторической традиции скандинавов «конунг» и «ярл»? Вопрос, однако, не простой уже потому, что оба термина, как минимум, имеют два значения: одно — по происхождению, другое — по занимаемой «должности», т. е. конунг и ярл — это родственники разного ранга в кровнородственной системе, «узурпировавшей» право верховной власти, но ярлом назывался и ставленник властвующего конунга на захваченной территории, причем этот титул мог получить и не ярл по рождению. Кроме этого, властвующий (или верховный) конунг получал свои права только вследствие избрания на *тинг*е (всенародном собрании), хотя и должен был быть близким кровным родственником (сыном, братом или племянником по отцу) предшественника, а также старшим по возрасту среди наследников. Этого перечисления вполне достаточно, чтобы усмотреть здесь элементы влияния (или сохранности) архаической возрастной правовой традиции и их «переплетенности» с нормой кровнородственного права. Есть здесь и еще один аспект — конунги (верховные) трактуются (и в тексте «Хеймскринглы», и историками-исследователями) как правители средневекового (IX–XII вв.) норвежского государства, т. е. как лица, на которых в правовом смысле «фокусировалось» все содержание сложного управленческого и фискального аппарата сформировавшегося классового общества, общества поздней феодальной монархии.

Такое понимание конунгов и самой Норвегии вызывает сомнения. История норвежских конунгов указанного периода времени — скорее, процесс замедленной эволюции верховного (т. е. признаваемого всем этносом) сакрального военного вождя, феодального сеньора норвежской территории. Можно сказать и иначе: это последняя стадия длительной борьбы двух социально-правовых систем — архаической возрастной традиции избрания общенациональной сакральной персоны и, с другой стороны, раннеклассовой

системы кровного права наследования земельной собственности крупных землевладельцев и иного их богатства. И это отчетливо показывает анализ «Хеймскринглы». Сама эта последняя стадия борьбы двух правовых систем начинается много позже выделения трехступенчатого кровнородственного правового организма на фоне общеэтнической возрастной системы права. Начало последней стадии сопряжено со временем почти полного отеснения «линии женщин», со временем замены возрастного статуса порядком рождения (т. е. относительным старшинством), со временем установления пожизненности пребывания в сане. На этом основании можно предположить, что термин «конунг» первоначально относился к тем мужчинам, которые входили в состав трехчленного правового «ствола», а термин «ярл» обозначал четвертых и пятых братьев колена («фратрии»). Для такого времени это существенно, поскольку был обычай «перемещения», т. е. пополнения «триады» полноправным четвертым (а при необходимости и пятым) братом. В такой ситуации «ярл» мог войти в число «конунгов» вследствие преждевременной смерти конунга-«брата» в своем колене, или ранней смерти старшего конунга-«племянника» в колене «сыновей». Появление представления о том, что «ярлы» — это родственники «конунгов» по женской линии, видимо, связано с запретом браков конунгов с кровными сестрами (т. е. с вытеснением женской линии из права), что объективно вело к бракам конунгов и дочерей ярлов. Браки же дочерей конунгов и сыновей ярлов не давали мужским потомкам права конунгов. Естественно, что верховный конунг (т. е. общеэтническая персона, сакрализованная, отвечающая за безопасность этноса от внешних вторжений и нападений) избирался по архаическим нормам и правилам, т. е. был старшим из конунгов данной территории. «Младшие» конунги, в свою очередь, были старшими из конунгов более мелких делений этой территории. Они были военными вождями возрастных отрядов молодежи.

Первоначально верховный конунг, как сакрализованная персона, в большей мере «отвечал» за урожай и плодovitость скота, за здоровье людей и животных, за успехи в самых различных промыслах и т. п., но в условиях Скандинавии, в особом характере жизни ее населения, главной ролью верховного конунга стала военная деятельность, как для защиты своего народа, так и для организации нападения на соседей. И в этой роли он больше был сакральной персоной, долженствующей фактом своего наличия обеспечивать успех, нежели верховным начальником отрядов, возглавлявшихся конунгами и ярдами. В доказательство можно привести сообщение из «Хеймскринглы», о том, что во время битвы Тьостольв держал за пазухой 2-летнего конунга Ингви Харальдсона. Точно так же в «Повести временных лет» рассказывается о присутствии в войске 7-летнего князя Святослава Игоревича во время войны Ольги с древлянами. Гибель или сильное ранение конунга обычно решали исход битвы.

С самого начала конунги и их отряды, как часть населения, не занятая производительным трудом, существовали либо за счет традиции, по которой им в порядке принятой очередности все необходимое доставлял этнос, либо за счет грабежа соседей. Естественно, что по мере увеличения численности отрядов снабжение их становилось все более и более тяжелым бременем для населения, но считать этот контингент эксплуататорским социальным слоем или классом нет основания до тех пор, пока его состав был сменяющимся, а не самовоспроизводящимся, т. е. пока не появилось «профессиональное» воинство с женами и потомками (которые также становились воинами). А это стало необходимым и возможным только в связи с глубоким имущественным расслоением остального общества — расслоением, связанным, как правило, с неравномерным разделением собственности на основное средство производства. Если таковым являлась земля, то и военное сословие формировалось в связи с правом сословно-частной собственности на земельные угодья. Параллельно с этими процессами менялось и содержание понятия «власть» от значения «права-обязанности» защиты общезначимых достояний — к значению права почти бесконтрольного господства высшего слоя военного сословия над производящей частью населения в интересах как самого военного сословия, так и в интересах других богатых слоев общества. Верховный вождь-конунг в этом процессе превращается в верховного правителя складывающегося государства, он уже не избирается, а наследует (или захватывает) свой сан и свою власть.

Несколько иначе протекала эволюция понятия «ярл». Как кровные родственники конунгов, первоначально они были традиционным звеном связи между теми и остальным этносом, т. е. организовывали содержание воинства, находящегося в постоянном движении. Положение ярлов было не только престижным, но и «выгодным» в материальном отношении, поскольку в их руках сосредотачивались продукты питания и все другое, что доставлялось населением для содержания конунгов и их отрядов. Появление и развитие института верховного конунга (т. е. общего конунга обширной территории) естественно породило и институт верховного ярла, которого назначал этот конунг. По мере возвышения военной роли верховного конунга и роста его воинства усложнился и «содержащий» военную силу аппарат, сложился иерархический слой общества, в котором смыкалась «верхушка» *бондов* (крестьян-производителей) с нижними ступенями «аристократии». И это начало имущественного расслоения было чрезвычайно осложнено особым социальным явлением — «викингом», т. е. целой гаммой обычаев, вследствие которых определенная часть молодежи постоянно находилась в морских походах и набегах. Более подробно рассматривать здесь это явление нет возможности, хотя эта тема (и не только в связи с нормами архаического права в Скандинавии) тесно связана с определенными этапами в истории архаического возрастного деления общества.

Кратко — здесь и древняя традиция совершать «подвиги» в связи с переходом в возрастную категорию полноправных, здесь и развившаяся на базе этой традиции склонность к грабежу и обогащению, здесь и экспедиции с целью поиска новых мест для поселения, торговые экспедиции и, наконец, отъезд части молодежи в «варяги» (*веринги*), т. е. в наемники в чужих странах. По сути дела, и сама-то Норвегия как территория, населенная сложившимся там норвежским этносом — не иначе как следствие длительного «викинга» лишнего населения берегов Северного, а, возможно, и Балтийского морей, что отразилось и в названии: «Норге» — «Путь на север». И это, наряду со спецификой природы — одна из главных причин сохранности в жизни средневековых норвежцев большого количества архаических норм права и обычаев. Существенно и еще одно обстоятельство: если в других странах Европы следы архаических норм права можно обнаружить только в связи с правами на королевскую корону, то в материалах о средневековой Норвегии достаточно сведений о многих живых и действующих архаических правилах и обычаях.

Понять их ценность для этнической истории не так просто. Например, обычай избрания конунга на тинге, точнее, многократное его избрание на ряде местных тингов, где собираются все бонды окрестности. При этом избирают персону, имеющую по праву рождения все основания быть избранной, и это известно всем, пришедшим на тинг. На первый взгляд это может показаться пустой формальностью или «туманным следом» каких-то древних порядков. Но это не формальность и не след ушедшего — это полноценный обычай, ритуал охраны правовой нормы. Собравшиеся на тинг не выбирают конунга в современном значении этого слова и не соглашаются слепо с выбором других. «Выбирает» строгая норма древней традиции, а тинг, как и сотни лет тому назад, наблюдает и подтверждает соблюдение этой нормы. И норма эта достаточно строга, ее можно кратко повторить: умершему (или убитому) конунгу наследует следующий по возрасту родной или двоюродный (по мужской линии) брат из числа трех старших братьев в колене; если покойный конунг — третий, то наследует старший из трех племянников или сыновей покойного если нет ни племянников, ни сыновей — конунгом становится четвертый брат (родной или двоюродный) умершего конунга если четвертый брат гибнет после его избрания конунгом, ему может наследовать и пятый брат, но не шестой, поскольку в колене архаической возрастной системы было пять мужских возрастных статусов. Право колена кончается на пятом брате (точнее, четвертый и пятый в особых случаях могут заместить первого и второго племянников в младшем трехступенчатом колене), а при отсутствии мужских потомков «династия» прерывается, т. е. прерывается мужская линия права конунгов. Следующего конунга могут выбрать при соблюдении мужского права только из сыновей сестер того, кто был конунгом, т. е. племянника конунга по женской линии.

Вот на основании этого последнего пункта архаической правовой традиции ярл Эрлинг Кривой, при активной поддержке церковников, произвел в конунги своего (и Кристины, сестры конунга Магнуса Слепого, дочери конунга Сигурда Крестоносца) пятилетнего сына, последовательно уничтожив других наследников, сыновей конунгов. По существу, есть все основания считать Эрлинга Кривого первым организатором норвежского государства, а его сына Магнуса Эрлингсона — первым королем Норвегии и ее последним конунгом. Последние полстолетия действия архаической правовой традиции достаточно интересны, чтобы рассмотреть их подробнее.

Конунг Магнус Голоногий был в этом сане с 1083 по 1103 год. У него было трое полноправных сыновей: Эйстейн, Сигурд и Олав. Текст «Хеймскринглы» утверждает, что все они сразу после смерти отца были избраны конунгами и разделили подвластную территорию на три части. Но из дальнейших сообщений ясно, что мотив раздела царства между сыновьями — не более как литературный трафарет, поскольку реальная роль конунга достается старшему из братьев — Эйстейну, т. к. Сигурд отправился в длительный викинг, имея целью достичь Иерусалима, а Олав был еще ребенком. Через некоторое время Олав заболел и умер. Конунг Эйстейн внезапно умер после возвращения Сигурда из Иерусалима. Сигурд Крестоносец стал конунгом. На все эти события ушло 27 лет (1103–1130). Еще при жизни Сигурда появился некий человек Гилликрист или Харальд, который объявил себя сыном Магнуса Голоногого, т. е. четвертым братом (что вследствие ранней смерти Олава давало ему право стать конунгом после Сигурда). Правдивость своих слов Харальд Гилли доказал, пройдя испытания раскаленным железом, и после смерти Сигурда (хотя у того был сын Магнус) стал конунгом. Однако, Магнус при поддержке Хакона Фаука, брата матери, долго воевал с Харальдом Гилли (старший племянник с четвертым дядей), пока не был взят в плен и ослеплен, что лишило его права на сан конунга.

Еще при жизни конунга Харальда Гилли «отыскался» и пятый «брат». Это был Сигурд, сын священника Ададьбрикта. Матерью этого Сигурда была Тора, сестра матери конунга Олава Магнуссона, которая сообщила своему сыну, когда он стал взрослым, что его отцом был Магнус Голоногий. Нового «брата» приговорили к смерти за некогда совершенное убийство, но он бежал, а затем вместе со своими сторонниками убил конунга Харальда спящим. Убийца брата Сигурд Слембир не был признан конунгом вместо убитого Харальда Гилли, но он заставил признать себя таковым в северных местностях Норвегии. После многих сражений Сигурд был взят в плен и зверски казнен. Конунгами избрали двух малолетних сыновей Харальда Гилли: двухлетнего Инги и Сигурда, которому не было и года. Через шесть лет появился третий сын Харальда Гилли, Эйстейн, который и стал конунгом в полном смысле слова, т. к. был старше двух братьев. По литературной

норме, в тексте снова говорится о том, что все братья правили вместе, разделив страну. Затем нашелся и четвертый брат, Магнус, но он вскоре умер. Можно предположить, что появление четвертого брата как-то связано с Инги (был изуродован, когда еще младенцем возглавлял сражение, находясь за пазухой у воина), с его физическим несовершенством. Инги Горбуна, с позиций архаического права, можно было счесть и за неправомерно. В возрасте около 19 лет Инги и Сигурд поссорились, и люди Инги убили Сигурда. А через два года люди Инги взяли в плен старшего брата — конунга Эйстейна и зарубили его. Так пришла очередь стать действительным конунгом Инги Горбуну. На все эти события ушло 27 лет. Против конунга Инги выступил его племянник, сын Сигурда — Хакон, и после многих сражений конунг Инги был убит. Конунгом стал Хакон Широкоплечий. С этого момента начинаются активные действия ярла Эрлинга Кривого, мужа Кристины, дочери конунга Сигурда Крестоносца. Он собрал совет сторонников, и те «предложили» ему объявить конунгом его (и Кристины) малолетнего сына Магнуса. В битве с ярлом Эрлингом погиб конунг Хакон, после этого Эрлинг убил и остальных наследников: Сигурда Воспитанника Маркуса (брата Хакона широкоплечего) и Эйстейна Девчущку, сына конунга Эйстейна. Эти — Хакон, Сигурд и Эйстейн — составляли последнюю триаду-колени братьев-конунгов.

Король Норвегии Магнус Эрлингсон был в этом колене четвертым (по женской линии) и правил до 1184 года. Был и пятый, последний допустимый древней традицией наследник (тоже по женской линии), убитый Эрлингом Кривым — Олав Несчастье, сын Марии, дочери конунга Эйстейна — сына Магнуса Голоногого.

Казалось бы, приведенного отрывка «канвы» Круга Земного вполне достаточно для доказательства права короля Магнуса Эрлингсона на норвежский престол, но первому составителю генеалогии (им ни с какой стороны не мог быть Снорри Стурлусон, которому приписывают авторство литературного произведения «Хеймскрингла») этого было мало. Он ставит впереди достаточно обширную генеалогию конунгов от Харальда Прекрасноволосого (IX в.), которую (через Хальфдана Черного) возводит к почти мифическим конунгам, а первых из них — к асам и ванам, т. е. к северноевропейской мифологии. Здесь, видимо, сказались по меньшей мере две тенденции: первая — это этно-социальная идея «вечности» священной персоны конунга, вторая — преломление в социальном сознании исландского христианского монашества XIII века догматической космографии христианской религии, как следствие потребности найти в этой космографической «картине» место для своей прародины Норвегии и ее королей XII-XIII веков. Можно усмотреть и преломление некоторых тем священного писания вообще, хотя, видимо, его содержание исландские монахи знали только понаслышке. Так, центр «круга земного» оказался не в Иерусалиме (т. е. на месте,

где был расположен рай), а где-то на «востоке» и назван по традиции «Асгардом», вблизи которого простерлась «Великая Швеция» (видимо, лучше — «Великая страна свеев») — от Черного моря до Северного и Балтийского (т. е. древнее пространство, некогда заселенное народами финно-угорской и тюркской языковых групп).

Каноническая христианская космогония на этой картине не отразилась никак. Роль Адама отведена трем мифическим персонажам-братьям: Одину, Ве и Вили; роль Евы — жене Одина, Фригг, на которой затем женились и его братья. Один и его сын Бальдр одновременно выступают в роли Иисуса — Одина вешают и протыкают копьем, Бальдра тоже «приносят в жертву» и протыкают, после чего по крайней мере Один оживает и удаляется в свой Асгард. В целом — это мешанина из смутных представлений о библейской мифологии и обломков европейской мифологической традиции, среди которых все же просматриваются следы архаической традиции возрастного права, сильно смешанные с «переселенческими мотивами». Но чтобы понять и оценить для этно-социальной истории генеалогическую «канву» Круга земного, необходимо, хотя бы бегло, коснуться некоторых особых тем.

Прежде всего — это различие между событийной политической историей и новым ответвлением исторической науки — историей этносоциальной (или кратко — этноисторией). Основное различие заключается в том, что политическая история исследует РЕЗУЛЬТАТЫ социальных движений, создающих и разрушающих политические структуры и идеологические концепции в ходе исторического развития человечества, в то время как этноистория стремится понять, как сложились и почему местами переплелись близкоязыковые ареалы, области близких культурных традиций, сходные комплексы традиционных идеологических представлений и т. п., равно как и понять причины разграничения разных комплексов, создавших отдельные этнические единства. Но главное в этноистории — это поиски закономерностей ПРОЦЕССОВ, обеспечивших поступательное развитие человечества в архаический, т. е. в доклассовый и дополитический период его истории. Таким образом, этноистория исследует процесс создания того «фона», на котором возникает и развивается политическая история классовых отношений и политических структур. Для пояснения этих взаимоотношений двух исторических наук можно задать такой вопрос: «Что сложилось раньше — норвежское этническое единство или норвежское государство?» Непредвзятый ответ может быть только один — этническая общность сложилась много раньше государства. И такой ответ способен спасти исследователя от неоправданных выводов из наличного материала, от прямолинейности в определении содержания терминов, титулов и др. Разумеется, что с появлением политической жизни этническая традиция и политическая действительность взаимодействуют, т. е. борются, создавая

более сложный комплекс исторического развития. Такой период в истории любого конкретного общества (независимо от времени по абсолютной шкале) обладает исключительной ценностью для этноистории уже потому, что именно в такое время зарождаются отражающие многие явления этого процесса эпические устные произведения. Их появление — не столько следствие тяги к литературному творчеству, сколько результат необходимости разобраться в сложной путанице противоречивых социально-правовых обстоятельств, которые создают все более обостряющиеся ситуации в реальной жизни общества. Со временем эти сюжеты обретают собственную «литературную жизнь», т. е. обрастают «подробностями», гиперболизируются и в деталях, и в целом, канонизируются, фиксируются письменно. И какова бы ни была «литературная история» такого произведения, оно всегда содержит следы архаики, следы того, что породило исходный сюжет. Наиболее ранние сюжеты, проходя свой длинный исторический путь, оказываются настолько непонятными (отчасти и вследствие древних переосмыслений), что расцениваются в наше время в качестве произведений мифотворчества. Но и в них можно найти следы реальной социальной архаики. Изучение всех этих следов, поиски, возможности реконструкции на их основе некогда действовавших социально-организующих систем — основная задача этноистории. Полезность этноисторических результатов для политической истории ранних этапов очевидна. Они способствуют преодолению довольно часто встречающегося (нередко и неосознаваемого) переноса современных нам категориальных представлений в иные времена.

Теперь, чтобы вернуться к материалам «Хеймскринглы», необходимо хотя бы бегло представить себе как могла бы развиваться этническая история Скандинавии и, в частности, Норвегии. По-видимому, нет оснований сомневаться в том, что современное население Скандинавского полуострова появилось там относительно недавно вследствие медленной и достаточно длительной колонизации этого пространства выходцами из народов, живших по южным берегам внутренних морей Европы. Колонизация Скандинавии была одним из ранних проявлений того процесса, который (в несколько более поздних формах) в исторической литературе получил весьма туманное название «Великого переселения народов».

Причины этого явления нет необходимости объяснять модным ныне и не менее туманным термином «демографический взрыв». Они скромнее, длительнее и сложнее. Коротко — это результат формирования устойчивого пастбищного скотоводческого (с дополнительным расчистным переложным земледелием) хозяйства в лесной зоне Европы, вызвавшего, с одной стороны, разделение общеплеменных угодий и закрепление их за небольшими коллективами конкретных деятелей, а с другой — отслоение от пятисегментной возрастной системы общественного деления трехсегментных кровнородственных правовых структур. Перестроившееся таким образом общество

стало систематично «выделять» из себя «лишнюю» часть населения, т. е. тех, кто рождался после трех правомочных потомков. Первоначально эти «лишние», достигнув взрослого возраста, по древней традиции «совершения подвигов», собирались небольшими группами и, под водительством избранного вождя, отправлялись расчищать новое место для поселения и ведения хозяйства. Со временем они также выделяли «лишних», и колонизация распространялась дальше и дальше, пока не сталкивалась с встречным аналогичным явлением. Устойчивое скотоводческо-земледельческое хозяйство само по себе способствовало общему увеличению населения, что вело к быстрому разрушению в массе населения трехступенчатой кровнородственной схемы права, к переходу на правовую схему линейного кровного рода с условным правом двух младших братьев. Таким образом, освоение новых угодий стало слишком интенсивным, а недостаток свободных земель вызвал не только споры, но и кровавые столкновения из-за них. «Колонизация» как бы повернула вспять. Отряды «лишней» (и не лишней) молодежи под руководством вождя (а точнее — уже под командованием, ибо вождем выбирался теперь человек не по лучшим знаниям в скотоводстве и земледелии, а по силе и искусству владеть оружием) отправлялись в поход на земли соседей, сгоняли их и селились там сами. Естественно, что в таких обстоятельствах оседлые («нелишние») были вынуждены либо создавать свои военные отряды для защиты, либо заключать договоры с чужими. Получалось так, что часть молодежи некоторое время не участвовала в производительном труде и в течение этого времени снабжалась всем необходимым для жизни (добровольно или не добровольно) производящей частью населения. Примерно так в Европе сложились три формы отношения к земле: распоряжающиеся землей земледельцы, не распоряжающиеся земледельцы, и получающие довольство (дань) за охрану ее.

Это общество еще не было классовым, эксплуататорским, поскольку не было устойчивого имущественного расслоения. Даже занятие войной (временное для каждого), будучи необходимостью, не выделяло воинов из остальных. Можно сказать, что только военные вожди, в силу специфики их избрания, несколько возвышались над остальным обществом. Но это не были пресловутые «вожди племен», в обычной жизни они никакой роли не играли, их абсолютный авторитет был целиком связан с войной и касался только юношей-воинов. Время от времени среди вождей объявлялся чрезвычайно искусный и удачливый человек. Слава о его успехах разносилась далеко, к нему стекались другие отряды со своими вождями, и под его верховным водительством затевались далекие походы с целью грабежа или для насильственного сбора дани. Такие походы обогащали участников. В них стали принимать участие не только юноши. Появился контингент людей, занимавшийся войной как профессией, а их скот (увеличивающийся за счет военной добычи) пасли другие, другие также обрабатывали их

землю. Воинства нового типа и их вожди старались поставить под свой контроль все более и более обширные территории, враждовали из-за них (точнее, из-за дани, собираемой с этих территорий, которая уже превзошла древние традиционные размеры). Земля уходила из-под контроля труженников, а европейское общество распалось на два имущественных и правовых сословия, складывался европейский феодализм.

Именно в этом длительном и сложном процессе размежевались мелкие и более крупные народы Европы, обособились местные диалекты и наметились контуры будущего более крупного языкового и этнического деления. В реализации процесса этнического размежевания и консолидации свою роль играла и развившаяся торговля, и даже особенности рельефа местности — этническими границами часто служили большие реки, горные цепи или болота. И на этой пестрой этнической базе начала свое развитие политическая история Европы, т. е. занявшая несколько веков почти непрерывная борьба крупных сеньоров, стремившихся расширить свои владения и возвыситься над соседями. Традиция древнего верховного вождя реформировалась в традицию номинальной королевской власти, закрепленной за родом одного из сеньоров. Замечательно, что в связи с правилами наследования королевского титула сохранялось довольно много элементов архаических норм права, давших возможность реконструкции (в совокупности с другими материалами) его исходных форм.

На этот процесс этнического развития Европы оказывало известное влияние и соседство с Римской империей (торговые и военные контакты), а позже — распространение христианской религии. Но этим обстоятельствам здесь нет необходимости уделять внимание. Что же касается некоторой специфики в аналогичном процессе этнического развития Скандинавии, то она целиком связана с географическими и климатическими особенностями Скандинавского полуострова. Хозяйственная колонизация началась, видимо, с его южных берегов, затем перешла и на северные. Естественными границами формирования двух этносов (шведского и норвежского) были горы и береговая линия, а на самом севере — местности, непригодные для земледелия и скотоводства (где до сих пор сохранилось автохтонное население: лапландцы — охотники и рыболовы, частично — оленеводы). Можно предположить, что третий компонент общего скандинавского этноса, датчане — следствие обратного переселения части скандинавов на материк (точнее — на Ютландский полуостров), который в дальнейшем опередил в развитии (сказался контакт с населением материковой Европы) шведов и норвежцев, развитие которых было более замедленным. Еще более медленным было этническое развитие поздних колоний скандинавов (Исландия и другие острова Северного моря), а столь удаленные, как Гренландия, оказались нежизнеспособными. Это обстоятельство достаточно доказывает тезис о последовательной колонизации самой Скандинавии,

проходившей с опорой на уже освоенные территории (как наличие оборонительного Датского вала в известной мере подтверждает предположение о сравнительно позднем заселении Ютландии уже более или мене сформировавшимися скандинавами).

Теперь, после этого необходимого отступления, можно перейти к последовательному рассмотрению генеалогического «острова» «Хеймскринглы».

Первая часть этой генеалогии называется «Сагой об Инглингах», сагой о потомках Ингви-Фрейра. Фрейр, Один, Ньерд, Бальдр и другие имена в начале Саги об Инглингах — персонажи общей североевропейской (германоязычной) мифологии, т. е. так называемые «боги» языческой религии. Но здесь они представлены как древние конунги, т. е. как священные «вожди» некогда живших людей. Специалисты считают, что такая трактовка мифических персонажей может быть объяснена принадлежностью составителей «Хеймскринглы» к христианской церкви и их религиозным нежеланием говорить об этих именах как об именах языческих богов. Но можно найти еще одно объяснение. Авторами всех материалов, на которых построен свод «Хеймскринглы», были исландцы. В Исландии XII–XIII веков были и священники, и монахи, но вряд ли догмы христианской религии господствовали в сознании исландцев, в том числе — и вероучителей. Более того, возможно, что у исландцев не сложилось и представления о мифических персонах как о «языческих богах». Ведь и материковые «варвары» Европы в значительной мере обязаны такой трактовкой своих «идолов» (т. е. скульптурных изображений, необходимых для важнейших культовых этнических церемоний) христианским проповедникам, насаждавшим религию среди «язычников». В такой ситуации все этнические сооружения, инвентарь и сами культовые процедуры воспринимались проповедниками христианства как проявления конкурирующей религии (хотя для любой религии просто нет места в еще неклассовом обществе). Процесс христианизации был длительным и вызывал сопротивление, и одним из удивительных явлений этой борьбы идеологий (видимо, как средство, «выравнивающее» борющиеся стороны) было иногда возникавшее у «варваров» отношение к своим символам как богам, в чем-то аналогичным христианскому богу.

Но такое положение вряд ли могло сложиться при христианизации исландцев. Скорее всего, они сохраняли в общественной памяти исходное древнее отношение к асам и ванам как к именам древнейшего периода истории (точнее, не истории, а жизни людей). Во всяком случае, в самом начале саги об Инглингах есть такие слова: «У Одина было два брата. Одного из них звали Ве, а другого Вили. Они правили державой, когда Один был в отлучке. Однажды, когда Один был далеко... стали делить его наследство и оба поженились на его жене Фригг». И еще: «Когда Ньерд был у ванов, он был женат на своей сестре, ибо там был такой обычай. Их

детьми были Фрейр и Фрейя». Это начало генеалогии от трех братьев встречается у многих народов и в разные времена. Очевидно, что таким образом фиксировали основной правовой порядок, т. е. это была принципиальная правовая легенда. Другой «мотив» этой легенды — брак с сестрой, как главный момент получения сана. Третий более сложен — это повторный брак священной вдовы в случае ранней смерти «конунга», спутанный с другим, еще более древним представлением: «когда в пределах одной возрастной группы, верстаемой несколько лет, старшие сверстники вступают в брак, их жены (терминологически) считаются женами всей группы, в триаде совершенно не допустим брак вдовы старшего брата со вторым братом: они — члены одного возрастного статуса, сверстники. Но третий брат мог жениться на такой вдове временно, до своего «совершеннолетия». Брак брата и сестры (норма эпигамного брака: брак женщин одной возрастной группы и мужчин старшей смежной — их старших фратторов) — главное доказательство существования социально-возрастного деления общества.

Есть еще сложный момент: «Ньерд женился на женщине по имени Скади, но она не захотела жить с ним и вышла потом замуж за Одина». Это может означать, что второй брат, Ве, и Ньерд — одно и то же. Один мог «оттеснить» второго брата и жениться на его жене (невесте), чтобы пребыть в сане еще срок. Любопытен и перечень пяти имен, которые по контексту выглядят именами пяти сыновей Одина (т. е. пятисегментной фратрией-коленом): Ньерд, Фрейр, Хеймдалль, Тор и Бальдр, которым Один всем «...дал хорошие жилища». Много в этой части саги и таких фраз, которые отчетливо описывают процесс колонизации некой территории, преимущественно ее мирный период. О ранних «конунгах» часто упоминается как о персонах, приносящих урожай, довольство, мир. Они же считаются «зачинателями» ремесел и иных искусств. Однако, после упоминания о трехступенчатой и пятиступенчатой нормах архаического права, от Ингви-Фрейра перечислены четыре имени (Фьельнир, Свейгдир, Ванланди и Висбур), которые следуют один за другим, как отец-сын и т. д. И только у Висбура учтены три сына (Домальди, Гисль и Эндур).

Понять эту ситуацию нелегко. Скорее всего, здесь отражена только одна линия родства (из трех) — линия Ингви-Фрейра, ведь сага-то об Инглингах, т. е. потомках Ингви-Фрейра. Но может быть, что сохранившиеся в общественной памяти имена только в XII веке расположили по формуле «отец-сын» и т. д. Первое более вероятно, поскольку после Одина «правил» не его сын, Скъельд, а Ньерд (т. е., вероятно, брат, но не сын Одина), а после Ньерда — сын его, Фрейр (который по значимости скорее брат Ньерда, чем сын). Дело в том, что об Одине и о Ньерде сказано как об умерших персонах, тогда как с Фрейром сложнее, его спрятали в кургане, он как бы и умер, но одновременно остался живым. При его «правлении» было исключительное процветание и благополучие.

Во всем этом можно, хотя и с большим трудом, усмотреть след одного явления в развитии архаического права, которое вряд ли могло иметь место в этнической истории не только Скандинавии, но даже и северной половины материковой Европы. Это явление, видимо, вообще более характерно для этноистории древних цивилизаций с их ранним и активно восходящим развитием. Оно заключается в том, что за выделением династийного трехступенчатого кровнородственного коллектива наступает момент, когда «исчезает» одна из линий правовой системы и остаются две (право двух братьев). Далее логика развития приводит к однолинейной системе наследования. Эта двухступенчатая схема права в материалах выглядит как «эпизод» в процессе появления права линейного кровного рода. Но, видимо, такой результат борьбы двух линий бывал не всегда, нередки случаи восстановления более архаичной трехступенчатой схемы права, и даже — пятиступенчатой. Это производит впечатление некоего «наплыва» архаики, как будто место, население которого достигло высокого уровня развития, вдруг «заполняется» менее развитым народом. Крайний недостаток сведений об этом явлении сильно затрудняет определение причин таких «наплывов», а избитое предположение о завоевании одного народа другим, менее развитым, представляется слишком примитивным. А наиболее значимые следы этого явления (упразднения третьей линии) — следующие:

В «ИЛИАДЕ» — это Ганимед, младший из триады дедов Приама (Ил, Ассарак, Ганимед), которого в детском возрасте за красоту Зевс берет на Олимп в виночерпии. В греческой традиции Ганимед не становится «молодым прекрасным богом», особенно почитаемым в народе, но вот в древней Индии таковым стал Рама, старший из трех братьев, потерявший трон вследствие «козней матери второго брата» («РАМАЯНА»). В более древних индийских материалах, в «РИГВЕДЕ», есть гимн о ТРИТЕ, третьем, младшем брате, брошенном старшими в водоем. В древнеегипетской мифологии третий брат «исчезает» безвестно. И мифы об Осирисе рассказывают уже о борьбе двух братьев, Осириса и Сета. В хронике средневекового восточно-африканского государства Пате трехступенчатая схема права становится двухступенчатой вследствие того, что один *мфальме* был предательски пленен португальцами, а его жена-сестра, в обход младшего брата, вступила в брак со своим сыном, и этот сын был «заместителем» *мфальме*, пока пленник не умер в Гоа. После его смерти правил его младший брат, а после него — бывший заместитель, но его потомки были (из-за ритуального брака с матерью) лишены права на сан *мфальме*-правителя. Существуют сведения и о длительной норме правления двух братьев: южно-индийские государства (дравидские по языку этносы), возможно — архаическая Греция и Спарта античного времени.

Но лесная и Северная Европа развивались медленно и неравномерно, здесь всюду встречаются следы перехода от трехступенчатой системы к

линейному роду. Тем не менее, в характеристике Фрейра есть кое-что от «вечно юного бога изобилия и плодородия». Скорее всего, так в этническом сознании сохранялась магическая социальная роль *конунга*, социальной персоны, призванной фактом своего наличия обеспечить всестороннее процветание этноса. Даже поздние конунги, главная роль которых — своей «магической силой» («удачей») — так переводят некий древний термин исследователи) обеспечить военную победу, по внешности описываются как образцовые представители этноса. И пока эта «удача» их не покидала, они считались превосходящими всех в воинском искусстве.

Сведения о жизни «конунгов» и «богов» не только в «Хеймскрингле», но и вообще в скандинавской эпике и мифологии, довольно своеобразны: здесь переплетаются сообщения о реальных (вполне «земных») действиях и событиях — с фантастикой и непонятными, необъяснимыми, с точки зрения современных представлений, обстоятельствами и поступками. Так, например, Один и Бальдр и умерли своей смертью, и были умерщвлены (и снова ожили), Фрейр — и умер, и «жил» в кургане. Вот любопытная цитата: «Когда все шведы узнали, что Фрейр умер, а благоденствие и мир сохраняются, они решили, что так будет все время, пока Фрейр в Швеции, и не захотели сжигать его, и назвали его богом благоденствия, и всегда с тех пор приносили ему жертвы за урожайный год и мир». Это — типичная попытка объяснить происхождение древних обрядов и представлений с позиции людей другой эпохи, знакомых с религией, с понятием бога. И эта цитата, и прочие сведения порождают ряд вопросов: Что значит — «И умер, и ожил»? «И умер от болезни, и был умерщвлен»? «И умер, и жив»? Почему «назвали богом»?; Кому приносили «в жертву» самих «богов»? Кого сжигали до того, как «решили не сжигать бога-Фрейра»? Что кроется под словами «правили», «управляли», когда речь идет о богах и ранних конунгах?..

Ответы на эти и аналогичные вопросы найти не так просто, но, во всяком случае, их не стоит искать в наших современных представлениях — это заведомо приведет к ошибкам, хотя и будет казаться правдоподобным.

Но в общем этнографическом, раннеисторическом, эпическом и фольклорном материале есть достаточно сведений, способных кое-что объяснить, если не полностью, то хотя бы в принципе.

Так, например, «умер и ожил» расшифровывается сравнительно легко: первоначально речь шла о циклической смене «тотемических имен», а не о физической смерти, и группа, достигшая возраста, на котором кончалась их социально-активная фаза, «оставляла имя» («умирала» для активной социальной жизни), но это имя получала новая, вступающая в фазу социальной активности, группа (она «оживала» в этом имени). Когда в этнической памяти от той эпохи оставались только «имена», они стали пониматься как имена некогда живших индивидов, которым было свойственно не только умирать, но и оживать. Следует сказать, что для того времени, т. е.

для эпохи полного действия возрастной социально-организующей системы, совершенно исключается представление о «загробном мире», ему не оставалось места в идеологических представлениях, ибо не было понятия полной смерти, поскольку «умершие» сразу же сменялись «родившимися». Но зато было представление, которое сейчас понять трудно: реальный старый человек мог видеть самого себя начинающим новый цикл социальной активности.

Понятие же о социальной «смерти» (как и о «жизни») и многие другие явления, связанные с той эпохой, воспринимались как проявления «различной» повсюду, но невидимой «силы» или «способности», вызывающей все изменения и движения. Но эта «сила» не считалась «демиургом», т. к. все существовало «вечно». Она — медленно или быстро, в том или ином количестве — «сосредотачивалась» в любом предмете или живом существе, могла уменьшиться в нем или совсем его покинуть. Так, любой человек обретал немного этой «силы» в тот момент, когда, будучи ребенком, начал сам ходить, сам есть и т. п., и все его способности в дальнейшей жизни воспринимались как возрастание, «аккумуляция» этой «силы» в нем. Заболев, он мог утратить столь много ее, чтобы стать почти младенцем, неспособным к самостоятельному движению, мог и совсем утратить, навсегда сделаться неподвижным, умирая физически — точнее, «жил» и дальше, но не как «человек», а как то, в чем этой «силы» никогда не собиралось столько, сколько нужно для подвижности, и в этом качестве он «менялся» пассивно — разрушаясь. Особо наглядно «нарастание» этой «силы», видимо, было связано с развитием индивидов, входивших в одну возрастную группу (имеющих одно ИМЯ). С одной стороны, все они были совершенно «однозначны», поскольку не индивид, а возрастная группа составляла минимальную социально-правовую единицу, но, с другой стороны, уже в младших возрастных статусах (отмеренных обществом состояниях) сказывались различия индивидуальных способностей как в скорости освоения необходимых навыков, так и в степени овладения ими. Развитие чисто физических качеств, например, силы или роста, было так же индивидуальным.

Нетрудно понять, что для коллектива древних людей, для его жизнеспособности означенные явления имели несравненно большую значимость, чем рождение детей (что воспринималось как результат накопления в женщинах необходимого для этого количества той же «силы») или физическая смерть одного из членов возрастной группы — группа-то оставалась и продолжала действовать. Несомненно, что древнее человечество (столь же эмпирически, как и в любой практической деятельности) со временем создало сложную традицию «сохранения и умножения» этой «силы» в своих коллективах, и особенно в тех индивидах, у кого она «концентрировалась» в больших, чем обычно, количествах. Сохранившиеся так или иначе до наших дней приемы этой «охраны» нередко выглядят сейчас

весьма фантастично, но иногда в них можно разглядеть то, что, вероятно, составляло их реалистичную основу — различные способы влиять на нужные обществу (или индивиду) вполне нормальные эмоции и психологические состояния, увеличивая их или уменьшая.

Одним из последних явлений развития всей этой традиции было «внешение» в нее представления (или понимания) о физическом наследовании некоторых ценимых обществом качеств, что и послужило причиной возникновения «на фоне» системы возрастного деления (не учитывающей при формировании возрастных групп физиологического происхождения) кровнородственной трехступенчатой системы для тех, чьи физические качества были очень необходимы обществу, фактически это было нечто вроде «селекции» особой породы людей, в которых, на благо обществу, «сохранялась» способность к максимальной «аккумуляции» «магической силы». Возможно, как наиболее подходящий термин для этой «силы», следовало бы употребить слово «мана» из полинезийской культурной традиции, поскольку этнографические описания значения этого слова почти полностью совпадают с тем, что об этой «силе» удалось извлечь из многих других источников.

Древнее общественное представление об этой «силе» не сводилось к тому, что она способна «избыточно» концентрироваться в отдельных представителях общества (а позже — в членах трехступенчатой системы). Она могла «собраться» и во всем, представляющем для общества жизненный интерес: в солнце, земле, воде, в животных, растениях, в орудиях труда и в охотничьем оружии, наконец — в огне костра и в пище. И здесь также человечество медленно и постепенно («слепым» эмпирическим путем, не зная законов природы, известных ныне) создавало традицию «сохранения и умножения» концентрации этой «силы», т. е. создавало определенные приемы и действия, выделяло ее «наивысшие» проявления. Большая часть этой традиции полностью понятна любому нашему современнику; точнее, не часть, а сторона ее — это все те действия и приемы, которыми обеспечивалось материальное производство (например, изготовление орудий, обработка дерева, камня, шкур и кож, добывание огня, рыхление почвы и посев, уход за всходами, пастьба скота, лечение ран и т. п.). Однако все то, что известно о другой стороне этой традиции, этнографы, вслед за церковниками, отнесли к суевериям, колдовству и невежеству предков наших (или «доисторических» представителей современности) и необдуманно назвали «первобытной религией». А между тем, этому можно найти и вполне материалистическое объяснение, и оно имеет непосредственное отношение к тому факту, что человек любой эпохи имеет и тело, и душу, т. е. обладает физико-физиологическими и эмоционально-мыслительными качествами. И эти качества неотделимы друг от друга, как неотделимы друг от друга две грани их общественных проявлений в тра-

диции материальной и духовной жизни человечества. Чтобы исследовать, надо «мелодию разъять, как труп». Это понятно: исследуют по «срезам» или «профилям». Но, видимо, следует затем «собрать труп и оживить его», иначе последует «гниение» в наших представлениях о жизни наших же далеких предков. Таким образом, другая (духовная) сторона древней традиции человеческих знаний и умений предназначалась для организации полезных общественных (и индивидуальных) эмоций, не менее необходимых, чем пища, одежда и другие материальные блага. И это не была «первобытная религия», ибо там не было никаких «демиургов», никаких богов, как не было эксплуататорских классов или сословий. Представим себе следующую простую «картину» для уяснения изложенного:

Некие люди отдаленного времени уже обладают навыками земледелия, они знают, как определить время посева, они начинают обработку земли. «Зачем они стараются взрыхлить ее как можно лучше?» Ответы на такой вопрос могут быть разными, но смысл будет один: эти люди ЗНАЮТ, что необработанная земля не родит. Такой ответ будет правильным только в том случае, если речь идет не о столь уж отдаленном прошлом. Но для того времени, когда ЗНАНИЯ еще не абстрагировались от традиции ДЕЙСТВИЙ, рыхление почвы будет и делом, и ритуалом одновременно, ритуалом «аккумуляции» в этой земле того, от чего брошенное в нее зерно станет изменяться в росток. Но, чтобы это произошло, нужен еще и дождь. Допустим, известно, что он должен скоро пойти, а его все нет и нет. Общественная эмоция момента ясна — все напряженно ждут дождя, и эмоциональное напряжение тем сильнее, чем дольше нет дождя. Тогда эти люди поступают так, как велит им их традиция: все вместе или специальная часть их (здесь скажется степень развитости традиций) поют «гимн» о дожде, громе и других явлениях, связанных с дождем. Если бы такую процедуру наблюдал этнограф (или проповедник вполне сформировавшейся религии), он бы, несомненно, сказал: вот эти люди (может быть — «дикари», «язычники») молят бога дождя или грома о том, чтобы он послал им дождь. Такое решение понятно, но понятно только потому, что и этнографу, и священнику известна молитва, т. е. обращение к богу с просьбой. Но можно все понять и иначе: это один из «приемов» в их традиции, который помогает снять всеобщее отрицательное эмоциональное напряжение, который возрождает общую эмоцию надежды, помогает легче переносить напряженное ожидание и укрепляет их чувство единства, коллективности, обобщенной силы.

Можно возразить: ведь они не просто поют, а делают это в особом месте, на холме, там, где стоят грубо сделанные из камня или дерева их идолы, которые же — изображения их богов. Но можно и продолжить: эти идолы — вещественные атрибуты той же традиции, они своим видом усиливают ожидаемый эмоциональный эффект, как и любой амулет (талисман,

фетиш), только это «амулеты» общественные. А раз они производят эмоциональный эффект, эти творения рук человеческих, стало быть, и в них присутствует часть разлитой везде «силы». Но их не умоляют «дать» что-либо, все, что с ними делают — только «сохранение и умножение» их способности вызывать эмоции, усиливать эмоции, необходимые всему коллективу. Если люди, поющие «гимн» дождю, смотрят при этом на небо, то ведь не из-под земли же им его ожидать. Можно быть уверенными, что если бы аналогичная ситуация касалась разлива реки, они смотрели бы в ту сторону, откуда течет река.

И, наконец, еще один момент: если такую ситуацию наблюдает этнограф, он нередко пытается зафиксировать в своих записях и связанные с «языческой религией» слова. Как правило, не слишком хорошо зная язык исследуемого народа, чаще вовсе не зная его, сложным путем он получает искомое и записывает: «бог дождя и грома (или дух) называется...». Если он «узкий специалист» и выясняет терминологию и верования «дикарей», в его записях появляются имена богов, обожествление «сил природы» и многое другое. Но со временем лингвисты составляют словари, грамматики и тексты на языке этого народа, не будучи никак связаны с этнографическим изучением его. Вот тогда внимательное и непредвзятое отношение к терминологическим записям этнографов может обнаружить, что были записаны самые обычные слова: «дождь», «гром», «разлив», «камень», «очень старый человек», «предок» и т. п. Поистине досадно, например, встречать в самых разных книгах — как специальных, так и художественных — такую примерно фразу: «Бог у зулусов называется *Ункулункулу*». А ведь это слово «создали» сами европейцы, хотя они и полностью соответствует нормам языка зулу (*исизулу*). Его точный перевод — «имя собственное очень-очень старого человека» (*y* — формант грамматического класса имен собственных, *нкулу-нкулу* — ‘очень старое’). Это даже не просто «предок», «очень старый человек», т. е. *умункулу*, а «имя его», говоря иначе, слово, составленное каким-то *умзулу* вследствие настойчивых просьб миссионера назвать имя их «бога», видимо, «самого-самого первого человека», на что тот и сказал: «имя самого-старого старого человека».

И это далеко не редкий случай. Более осторожные специалисты пишут не о божестве или богах доклассового общества, а о почитании или культе предков. При этом умерших предков считают «посредниками» между людьми и «небом» («духами», «демонами», «силами природы» и т. п.), с завидным упорством «отыскивая» в ответах исследуемых «демиурга» (или «демиургов») и его местоположение, не подозревая, что наиболее обнадеживающие ответы могут оказаться следствием соседства (а иногда и прямой проповеди) действительной религии.

Но если вернуться к приведенной выше цитате о сокрытии смерти Ингви-Фрейра, о том, что, не увидев с его смертью исчезновения благоденствия,

его спрятали в кургане, можно на все это посмотреть и иначе: способность Ингви-Фрейра, «аккумулированная» в нем, не вся рассеялась с его смертью, а оставшаяся ее часть, необходимая обществу, так же как и при его жизни, требует «охраны». Зафиксировано множество способов этой «охраны» — от элементарного хранения волос, ногтей, костей, черепа «предка», высушивания или копчения тела — до сложнейших процедур бальзамирования, но во всех случаях эта процедура никак не связана с «загробным существованием» умершего — так хранили все, чем он мог быть «полезен» живым. Когда же возникало (или создавалось жрецами складывающейся действительной религии) представление о «загробном (ином) мире», то там вначале обитали тени, т. е. та «деталь» «маны» усопшего, которая «растворялась» вследствие захоронения тела. Такой же «охранной» смысл заключался и в том, что вместе с телом клали в камеру пирамиды (кургана, гробницы или могилы), сжигали или отправляли в море почти все, что принадлежало человеку при жизни, поскольку во всем этом предполагалась какая-то часть этой «силы». Кроме того, у любого похоронного обряда были еще и две стороны, также не имевшие никакого отношения к не существовавшему представлению о загробной жизни. Это — снятие традиционными процедурами (и самим фактом захоронения) негативной общественной эмоции, и «санитарное» устранение трупа.

Разумеется, многое из этой могучей дорелигиозной архаической традиции было присвоено действительными религиями и даже кое-что развито, но различие здесь не количественное, и лежит оно не в процедурах и аксессуарах, а в ином качестве самого общества, которое стало классовым, т. к. в нем появились разные права для различных наследственных групп-сословий (или каст), обеспечивающие эксплуатацию человека человеком. Вот тогда и понадобились боги, сотворившие мир, боги всемогущие, по своему произволу неравномерно наделяющие людей благами и карающие их, боги, в которых надо «верить», которых надо умолять и которым надо приносить «жертвы». Порабощение физическое стали подкреплять порабощением духовным. Таким образом, распространение религии за пределы мест ее формирования большею частью нельзя считать сменой примитивной (языческой) религии — религией более развитой, как нельзя считать само появление религии развитием так называемой «первобытной религии».

Естественно, в связи с вышесказанным возникают вопросы: «Как найти то, с чего начинается эксплуатация человека человеком?» «Являются ли конунг и его дружина, не занятая производительным трудом, эксплуататорами?» «Являются ли эксплуатацией грабительские набеги викингов, особенно тех, кто почти всю жизнь проводит в таких походах?» Ответ, видимо, может быть такой: «Нет, не является — до тех пор, пока контингент «дружины» остается сменным, пока он не самовозобновляется физиологически, т. е. пока эти занятия не превращаются в наследственную «про-

фессию» и не становятся физической защитой неравноправного отношения к основным средствам производства».

Именно на таком основании нет возможности не только конунгов Саги об Инглингах, но и конунгов всей Хеймскринглы считать правителями государства или «королями» феодального общества — это только сакрализованные общеэтнические персоны, если угодно, живые «боги» этносов. Конунги «Саги об Инглингах» — «наследники» роли Ингви-Фрейра, «обеспечивающие» всему этносу мир, процветание и плодородие своей молодостью, красотой и здоровьем. Конунги остальных саг — сакрализованные верховные вожди военных отрядов молодежи, обязанные оружием (и сакральным авторитетом) восстанавливать мир в этносе, начиная с того времени, когда хозяйственная колонизация этнического пространства «повернула вспять», т. е. когда в этносе начались споры и вооруженные столкновения в результате недостатка земель, пригодных (при том уровне орудий труда и агротехники) для земледелия и выпаса. Другая роль этих конунгов заключалась в возглавлении воинства во время внешних нападений и во время набегов на соседей. Конунги-воители оттесняют в этническом сознании значимость юных конунгов — «дарителей» мирных благ. Они как бы «растворяют» в себе и «качества» последних, выдвигая как главное свои воинственные «свойства», будучи скорее «потомками» Тора, нежели юного Ингви-Фрейра. И структура «Хеймскринглы» достаточно четко отражает эту функциональную преемственность в развитии общеэтнической сакральной персоны, как отражает и трудный противоречивый переход от архаического права трех «братьев» к праву линейного генеалогического рода (к майорату).

Тексты в «Саге об Инглингах», связанные с именами конунгов, кратки и невыразительны, довольно однообразны и напоминают сильно сокращенные варианты собственно исландских саг. Это наводит на мысль о том, что они были «прибавлены» к плохо сохранившемуся устному перечню имен древних конунгов, образовав, таким образом, сагу. Наиболее любопытными являются сообщения о вариантах насильственных смертей конунгов, что можно понять как отголоски довольно распространенного архаического обычая — «ритуала убиения сакральной персоны по истечении срока». Цель процедуры — сохранение и передача преемнику части «силы» предшественника. Сюда же может относиться и другой «вариант» — поединок между предшественником и преемником (и, как случайность, — смерть обоим). Однако рассказы об этих моментах выглядят очень примитивно, без тени сакральности: конунг Висбур имел двух сыновей от первой жены и одного от второй жены, старшие сыновья поссорились с отцом из-за золотой гривны и сожгли его в его же доме; Домальди, третий сын Висбура, наследовавший ему, оказался неспособным принести благоденствие, был неурожай и голод, его принесли в жерт-

ву и обагрили его кровью алтарь; сыновья конунга Агни, Альрек и Эйрик, поссорились из-за лошадей и убили друг друга удилами; Ингви и Альв, сыновья Альрека, поссорились из-за жены Альва и убили друг друга.

С большим трудом и на основании иных материалов можно предположить, что «гривна» была символом, который конунг во время брачной церемонии (она же — часть обряда, вводящего в сан) передавал жене, что сыновья требовали ее для вступления в сан старшего из них, и отказ выдать ее можно понять как намерение третьим браком продолжить пребывание в сане еще на один срок, что, возможно, лишало этого права старшего потомка. Смертельные поединки двух братьев можно объяснить незначительной разницей их реального возраста, т. е. тем, что они относились к одному возрастному статусу, что делало их «правовыми двойниками» и вызывало необходимость выяснения преимущества в «силе». Конунга Домальди не принесли в жертву, а просто уничтожили, предпочтя «развеять» его «силу», которую он использовал во вред этносу, вызвав неурожай и голод. С той же целью сожгли Висбура, отказавшегося вернуть «гривну», опасаясь использования «силы» во вред этносу.

Более любопытна такая цитата: «Хуглейк, сын Альва, стал конунгом после смерти братьев, ибо сыновья Ингви были тогда еще детьми». Здесь поздний рассказчик пытается привести в «норму» непонятное уже ему право старшего из трех братьев, не зависящее от происхождения от старшего или младшего «отца». Любопытна также «сказочка» о конунге Ауне, который «приносил в жертву» (т. е. убивал) последовательно многих своих сыновей и дожил до такой старости, что не мог самостоятельно передвигаться, и его, как младенца, кормили из рожка. Всего вероятнее — это своеобразное отражение в фольклоре этнического отношения к участвовавшим случаям «продления» сана конунга, отношения предупредительно-сатирического. Сами случаи «продления», ведущие к появлению пожизненного права, вероятно, вызывались многими и сложными причинами, среди которых могло оказаться и активное воздействие участников удачных набегов на соседей, получавших большую добычу. Обогащение, таким образом, особенно обогащение уже немолодых участников, еще не меняло правовых отношений в сфере основных средств производства, но уже выделяло из общей массы равноправных земледельцев обладателей «престижных ценностей», что начинало расслаивать общество равных. Этнос в целом мог беспокоиться относительно уменьшения той стороны «силы» конунгов, которая обеспечивала хозяйственное процветание, и мог такой «сказкой» выразить свое опасение. Предположение, вроде бы, подтверждается появлением во время конунга Эгиля, сына Ауна Старого, воинства и его вождя из рабов — воинства победоносного и разбитого только с помощью конунга данов. Вряд ли в этом событии следует видеть восстание угнетенных, тем более, что «проблема рабства» в раннефеодальной Европе, по сути дела,

совершенно не изучена. Скорее, это отражение попыток этноса восстановить древнейший обычай (додинастийный) выбора сакральной персоны, как средство «уравновесить» падение сакрального престижа конунга.

То, что «Сага об Инглингах» составлялась из разрозненных устных фрагментов, подтверждается и рассказом о происхождении конунга данов Хрольфа Жердинки. Конунг Адильс победил Гейртвова, конунга саксов, и увел в рабство девушку по имени Ирса, на которой потом женился. Затем конунг Адильса разбил конунг Хельги и увез в Данию Ирсу. Хрольф Жердинка был сыном Хельги и Ирсы. Алов, жена конунга Гейртвова, прибыла в Данию и сообщила Ирсе, что та — ее дочь, а отцом был конунг Хельги. Текст излагает эти обстоятельства в «ключе случайностей», но, возможно, схемой рассказа послужили почти стертые временем предания социально-правового порядка архаических норм, где третий «брат» был обязан вступить в брак со старшей «дочерью» (если члены старшей триады именовались классификационным термином родства — «отец») или со старшей «племянницей» (если старшее колено именовалось «дядьями»). Говоря иначе, могла сохраниться «канва»: I — Гейртвов, II — Адильс, III — Хельги; «отец» — Хельги, «победитель» «брата» — Адильса (т. е. сменяющий его на посту «конунга») женится на «дочери» Ирсе, дочери Гейртвова и Алов (т. е. его жены — «сестры»). Ирса, жена-«дочь» Хельги, в условиях династийного трехсегментного кровнородственного «организма» могла быть кровной дочерью Гейртвова или Адильса, но не Хельги, а упоминание об Алов свидетельствует в пользу того, что ее кровным отцом был, несомненно, Гейртвов.

Вероятно, и рассказ о смерти конунга Адильса построен на той же древней «канве». «Однажды, во время жертвоприношения дисам, конунг ехал на коне через капище дисы. Вдруг конь споткнулся и упал, а конунг — с него. Он так ударился головой о камень, что череп треснул, и мозги брызнули на камень». Перед этой частью рассказа приведена краткая родословная его коня. Все это напоминает пушкинские строки, основанное на сообщениях «Начальной летописи»: «... но примешь ты смерть от коня своего...». Это — размытый след от тех времен (или от той стадии развития), когда у многих народов (и не только Европы) существовал обычай избрания, для всеэтнического благополучия и процветания, сакрализованного животного и связанного с ним сакрализованного человека. Любопытны также и сообщения «Саги об Инглингах» о конунгах, расчищавших леса, прокладывавших дороги, о заселении новых мест, о том, что конунги «имели много усадеб» и разъезжали по стране «по пирам». Есть «намек» на старинный обычай замещения «зятем» (мужем дочери, не относящимся к триаде, но того же «ранга») недостающего «сына». Из рассказов о последних конунгах этой саги можно сделать вывод о том, что ко времени «исторических» конунгов, т. е. следующих после Хальфдана Черного, прочно установился запрет

брака конунга и кровной родственницы (экзогамия), и им приходилось находить жену или силой, или по договору с соседним конунгом.

Продолжением «Саги об Инглингах» в корпусе «Хеймскринглы» является ряд саг об «исторических конунгах», т. е. о тех лицах, для которых специалисты-историки (преимущественно скандинавы) на основании сопоставления аналогичных данных о датских, английских, шведских, саксонских, нормандских и других «конунгах и королях», составили хронологию их «правления». Связующим звеном между традицией «Саги об Инглингах» и традицией саг об «исторических конунгах» Норвегии можно считать конунга Харальда Прекрасноволосого, сына Хальфдана Черного. Время его «правления» определено с 858 по 928 год н.э., т. е. как круглые 70 лет (есть и другие датировки). Столь длительный срок в легендарно-правовых документах может отражать полное исчезновение традиции «статусного времени» (ограниченного) пребывания в сане конунга, т. е. твердое утверждение пожизненного права. Имя Харальда Прекрасноволосого не потому связывает две «традиции», что он назван сыном Хальфдана Черного. Это видно из всего того, что о нем рассказано. Как это обычно для легендарно-правовых социальных документов (безразлично — сохранились ли они в виде литературного произведения или в виде сухой хроникальной канвы), начало содержит, в более или менее сжатом изложении, некие основные моменты правовых норм, которые являются своеобразным ключом к пониманию последующего текста. «Харальд — конунгом стал после своего отца. Ему было тогда десять лет». «Гутхорм, БРАТ ЕГО МАТЕРИ, был предводитель его дружины и правил всеми делами». Правила наследования: а) сан «конунга» — пожизненный; б) если конунг жил долго, а два младших брата умерли, наследует сын; в) если сын еще не достиг возраста совершеннолетия, его практические обязанности исполняет старший родственник по линии матери (брат матери), но сам конунг все еще, хотя бы в ратном деле — сакральная персона, «обязанная» приносить «удачу».

Далее рассказано о сватовстве Харальда к Гюде, дочери другого конунга, об ее отказе и требовании «подвигов», о клятве Харальда свершить их, о его обете не стричь волосы и не расчесывать их до определенного времени, и т. п. Все это напоминает литературно развернутый «вариант» достаточно распространенных архаических обычаев, связанных с переходом юношей возрастного статуса «неженатых воинов» («охотников», «пастухов» и т. д.) в статус «полноправных мужей». Это тоже правило: сан конунга становится полным вследствие достижения им брачного возраста, совершения «подвигов» и женитьбы.

Согласно тексту «Хеймскринглы», Харальд Прекрасноволосый имел несколько жен и множество сыновей. Но сообщения об этом очень путанные и противоречивые. Современные историки, видимо, на основании дополнительных сведений, выделяют только пятерых: Эриха Кровавую

Секиру, Бьерна Купца, Сигурда Хриси, Олава и Хакона, воспитанника Ательстана. Наследовал Харальду старший из них — Эрих. Остальные братья были перебиты (либо Эрихом, либо погибли в битвах). Но отмечаются их претензии и к отцу, и к старшему брату. Излагаются и такие события: Эрих Кровавая Секира, по сути дела, стал конунгом еще при жизни отца (стало быть, пожизненная норма права еще была ограничена возрастом «социального полноправия»), и когда умер Харальд Прекрасноволосый, а Эрих пробыл конунгом некоторое время, с претензией на сан выступил его брат, Хакон, воспитанник Адальстайна (конунга англов, Ательстана). По тексту, мать Хакона была рабыней, а по логике архаической нормы — сестрой Ательстана (брата матери, воспитателя и наставника). Хакон, брат Эриха, еще при жизни последнего был провозглашен конунгом на тингах Норвегии. Эрих погиб через некоторое время при набеге на южную Англию. Опять получается, что в норвежском этносе в середине X века были силы, способные поддержать архаические нормы права передачи сана конунга — «брат после брата», а потом — старший племянник, Харальд Серая Шкура, сын Эриха Кровавая Секира.

Любопытно и продолжение:

Множество битв выдержал конунг Хакон со своими многочисленными племянниками, сыновьями старшего брата — Эйриха. Можно понять, что это было время внутриэтнических смут. По пятичленной архаической системе права, Хакон, по сути дела, был избран народом (безотносительно к происхождению), но по трехчленной генетической он был пятым, т. е. равным по статусу второму племяннику. Правда, вследствие смерти Олава, Сигурда и Бьерна, Хакон мог считаться «передвинутым», т. е. «вторым» братом после Эйриха Кровавая Секира. Сначала племянники вместе с матерью (их традиция так и называет: сыновья Гуннхильд) бежали из Норвегии, долго ходили в грабительские викинги, но затем выступили против своего дяди, против конунга Хакона. Сообщается, что все они были перебиты, кроме одного, Харальда Серая Шкура, который и стал конунгом после смерти Хакона. Характерно, что колено «братьев» этого Харальда традиция составила по архаическому принципу: Харальд, сын Эйриха, Хальфдан, сын Сигурда, Гудред, сын Бьерна и Трюгви, сын Олава (сверстник Гудреда по рождению). Это можно понять и как триаду «братьев», включая Трюгви (статусно равного Гудреду), но и как триаду без Харальда Эйрихсона, т. е. след сложной борьбы элементов различной древности в общей правовой традиции, отражающих нарастание разделения социальных интересов отдельных групп этноса, нарастание престижно-имущественного его расслоения. Время было тяжелое, полное внутренних раздоров, боролись сторонники новой нормы (наследования сыном умершего) со сторонниками права трех «братьев» (возможно — отдельно сторонники трех сыновей умершего и сторонники трех, как родных, так и двоюродных,

братьев) и, видимо, «непристижная» масса свободных земледельцев требовала восстановления архаического права избрания конунга народом либо по пятичленной схеме «братьев», либо по наличию «признаков» пригодности для этой общезнаковой роли. Этой борьбой этнос был сильно ослаблен и на некоторое время попал в данники к датским конунгам, которые для собирания дани ставили своих ярлов.

Насколько торопливы историки в своих выводах о государственности и феодализме в Норвегии конца X века, можно понять из поведения конунгов и ярлов того времени. Братья-конунги дрались между собой, ходили в грабительские набеги не только на чужие территории, но и на норвежские земли, не защищали, а разоряли страну. Между тем, датские «наместники», ярлы Хакон и Эйрих, не только, как и любой конунг, собирали дань для содержания своей дружины и воинства, но и заботились о защите страны. Им принадлежит победа и разгром напавших на Норвегию могучих пиратствующих викингов из Йомсборга. При этом нет оснований полагать, что воинство ярлов даже большею частью состояло из данов. Оно было преимущественно норвежским, и если ярл-«наместник» был победоносным, никто не возражал ему. Речь, собственно, идет о сложной внутриэтнической действительности в более широком (скандинавском) близкородственном ареале и на его границах. Терминологически, разумеется, ярл внешнего происхождения не мог называться конунгом в более узком этносе. Если же ярл в своих притязаниях и поступках переходил границу дозволенного «конунгу», его ожидал тот же конец — против него выступал новое воинство, выбравшее своего конунга. В такой ситуации новым конунгом объективно оказывалась персона, связанная родством с прежними конунгами, т. е. имевшая больше прав, согласно архаическому праву, по сравнению с ярлом. Например, при таких обстоятельствах был разбит и убит ярл Хакон, а конунгом стал Олав, сын Трюгви (сын того Трюгви, который был четвертым в колене Харальда Серая Шкура). Любопытно сообщение о том, как умер ярл Хакон. Его убил скрывавшийся вместе с ним его раб, «рожденный с ним в одну ночь», т. е. равный Хакону по архаической норме возрастного статуса. Есть еще в рассказах об этом времени «след» древнего социально-возрастного деления. Колено «братьев» конунга Олава Трюгвасона представлено как триада: Харальд Гренландец, Сигур Свинья и Олав, сын Трюгви. Харальд Гренландец был на пиру у вдовы шведского конунга, Сигрид, с которой «воспитывался вместе». Текст намекает на то, что Сигрид и Харальд по окончании пира, видимо, немного переступили за грань дозволенного. Несколько позже Харальд посватался к Сигрид, та отказала ему и была так оскорблена, что приказала сжечь его и его людей, что и было исполнено. Если обратить внимание на слова о том, что они «воспитывались вместе», то можно предположить здесь случайно «застрявшее» сообщение о древнем способе наказания за нарушение брачного за-

прета внутри группы «одновозрастных». Второй «брат», Сигурд Свинья, не был воинственным, занимался своим хозяйством. И только Олав Трюггвасон, победитель ярла Хакона, был избран на этот пост. Он много воевал с чужеземцами и погиб в битве с датским ярлом Эйриком. Колено «детей» Олава дано также как триада «братьев»: Олав Святой, сын Харальда Гренландца, Харальд Суровый, сын Сигурда Свиньи и Трюггви, сын Олава Трюггвасона. Конунгами были только Олав и Харальд. Далее следуют два колена-диады: Магнус Добрый, сын Олава Святого, и Олав Тихий, сын Харальда Сурового; Хакон, воспитанник Торира, сын Магнуса Доброго, и Магнус Голоногий (о котором шла речь в начале изложения), сын Олава Тихого.

В этом разделе «Хеймскринглы» наиболее интересен конунг Олав Святой. «Сага об Олаве Святом» — самая длинная во всем своде, она изобилует массой правдоподобных и фантастических подробностей, но главное в ней — повествование о конунге, утвердившем в Норвегии христианство. Олав был избран в начале XI века, следовательно, к этому времени можно отнести период столь заметного имущественного расслоения норвежского общества, когда засилье богатых и знатных начало превращать дань (собиравшуюся для содержания конунга и войска) в налог для содержания двора; а собиравшие ее лица (ярлы и др.) стали вести себя, как владельцы тех земель, где они отправляли свою должность. Конунг в этих условиях интенсивно терял авторитет хранителя благополучия этноса, защитника прав свободных земледельцев, терял сакральность своей власти. Общество настолько очевидно расслоилось, что потребовалась новая идеология, способная «оправдать» сложившееся состояние, стала нужна РЕЛИГИЯ.

Попытки распространить христианство приписывают нескольким конунгам. Еще конунг Хакон, Воспитанник Адальстайна, будучи сам окрещен в Англии, пытался склонить своих приближенных принять христианство и склонить к этому народ. Некоторые из приближенных крестились, но на тинге сказали ему, что останутся при своих богах, так как опасаются из свободных стать рабами. Этому Хакону приписывают постройку первых церквей в Норвегии. Далее, конунг Олав, сын Трюггви, тоже крещеный, кое-где силой заставил часть народа принять христианство. Но это крещение быстро теряло силу, и люди снова возвращались к старым обрядам. Ярлы-датчане, хотя сами и были христианами, не препятствовали народу Норвегии совершать «языческие богослужения». Утверждение в качестве конунга Олава Святого (тогда еще Олава Толстого) и его дальнейшие деяния описаны так же, как и деяния других конунгов: бесконечные войны с противниками, набеги, походы, морские и сухопутные сражения, подвиги самого Олава и его сподвижников. Но в описаниях есть и отличия. И у самого Олава, и у его дружинников и приближенных на щите и шлеме были кресты, символы христианства. Таким образом, в глазах современников

все совершаемые конунгом и его воинами подвиги как бы приписывались силе креста, силе христианской религии. Свободные земледельцы пытались организовать сопротивление насильственной христианизации, но время было уже не то, вся знать и все богатые были на стороне Олава и его епископов. Древние обряды были запрещены, капища подвергались разрушению, главные ежегодные празднества переместили по календарю и «слили» с каноническими христианскими.

Кровавое утверждение христианской религии, по своей сути, было завоеванием страны, прямым военно-политическим подчинением, сопровождавшимся превращением дани в нерегламентированный налог, в том числе и в пользу церкви. В главном — земельном — праве внешне особых изменений не произошло, но прежние представители конунга в различных землях и областях (собиратели дани для конунга) начали чувствовать себя своевластными хозяевами этих земель, хотя по-прежнему были ставленниками конунга и не наследовали своей должности. Споры и ссоры из-за должностей, из-за границ «опекаемых» земель, с которых полагалось собирать налоги, из-за чинов и званий, превращались в кровавые непрекращающиеся столкновения знати. Это была уже подлинная политическая борьба, не имевшая ничего общего с этническими интересами, и конунг Олав формально оказался в ней просто центральной фигурой. Он, естественно, участвовал в этой внутренней войне, как воевал и с внешними врагами, но навести порядок в стране было не в его силах. Разоряемыми оказались не только простые бонды, но и богатые, но не знатные землевладельцы. Большое воинство собралось из тех, кто ненавидел формального виновника этих несчастий, конунга Олава Толстого. Нашлись и предводители, и один из них, Торир Собака, убил конунга в произошедшем сражении.

Собственно, получилось так, что народ Норвегии предпочел власть иноземца-датчанина, ярла, правлению собственного конунга, т. к. последнее сражение Олава с бондами произошло в то время, когда конунга сильно теснили даны, и почти выгнали его из страны. В этот раз «ярлом» в Норвегии стал датский конунг Свейн, сын конунга данов, Канута Могучего. Попытку освобождения Норвегии от власти Свейна сделал Трюггви, сын Олава Трюггвасона, но он был убит в сражении. Вернее всего, эту попытку предприняла та часть обиженной знати, которая была на стороне бондов в борьбе с конунгом Олавом Толстым. Для следующей такой попытки пришлось разыскать при дворе конунга Ярицлейва в Гардарики (т. е. у князя Ярослава на Руси) бежавшего туда сына Олава, Магнуса. Магнуса провозгласили конунгом на тингах, дали ему дружину и собрали ополчение, в котором приняли участие и многие бонды, противники его отца. Воспользовавшись смертью Канута Могучего и начавшимися, естественно, смутами в самой Дании, это воинство одержало победу над датскими правителями в Норвегии. Новый конунг был назван Магнусом Добрым — вероятно, вследствие временного облегчения даней и поборов.

На всех этих событиях не стоило бы останавливаться, если бы не одна «деталь». В живых оставался еще один представитель триады «братьев» Олава — Харальд, сын Сигурда Свиньи. Сообщается, что будто бы Харальд, будучи раненым в том сражении, когда погиб Олав Толстый, бежал сначала в Гардарики, затем в Византию. Когда он вернулся в Норвегию, Магнус Добрый признал его конунгом. Сначала, как это обычно сообщается в «Хеймскрингле», они «поделили царство», а потом Магнус умер. Рассказ об этих двух конунгах — прекрасный пример того, как политические силы Норвегии в середине XI века, придя к компромиссу в своих отношениях, использовали для предотвращения выступлений народа «элемент» из архаических обычаев: младший родственник, «случайно» оказавшийся конунгом раньше еще живого старшего, «мирно» уступил ему свою социальную позицию. Конунг Харальд, названный Суровым, много воевал и грабил и сложил свою голову в Англии, после него конунгом был его сын Магнус, затем — второй сын — Олав Тихий, и, наконец, сын последнего — Магнус Голоногий, о котором шла речь в самом начале. Канонизация в качестве «святого» конунга Олава Толстого, вероятнее всего, произошла при одном из сыновей Магнуса Голоногого, при Сигурде Крестonosце (в первой четверти XII в.), в связи с деяниями которого повествуется о наибольшем числе посмертных «чудес» Святого Олава.

Видимо, к этому времени можно отнести и окончательное утверждение христианства в Норвегии. Роль христианской церкви (как западной, так и восточной) в этносоциальной истории Западной, Восточной и Северной Европы периода начала классового образования — особая и очень сложная. По своей сути христианская церковь, по мере ее продвижения в периферийных направлениях из ареала ее становления (т. е. из Италии и Греции и полностью колонизованных территорий поздней Римской империи), становилась на новых территориях первым, в полном смысле слова, феодальным эксплуататором, обладающим твердыми основами для такой эксплуатации, на фоне стихийного грубого грабежа, ничем не регулируемых притеснений и крайне запутанной ситуации разрушающегося архаического права. Рожденная в Римской империи, она впитала в себя многие достижения этого древнего культурного ареала. Церковь обладала письменностью, священной и богослужебной литературой, более или менее стройной системой богослужений, относительно развитым каноническим правом, теософией, содержащей легко воспринимаемые идеи всеобщего мира и равенства, человеческого единства. Внешне церковь интересовалась душами (т. е. чувствами и мыслями) людей и за свои проповеди просила, казалось бы, сущую безделицу — немного земли для построения храмов, жилья для служителей монастырей и строго регламентированное «приношение» для содержания всего этого — десятину «от трудов праведных». Нетрудно понять, что десять процентов от устойчивой хозяйственной деятельности

(а мир обещала та же церковь) выглядели благом по сравнению с произволом военной знати и разорительными набегами «блуждающих» отрядов. Церковь обладала достаточно стройной и четкой иерархией: от «руководителей» различных рангов до «учеников», служивших ей своим физическим трудом. От лишенных своего хозяйства или иной постоянной деятельности «обращенных» она охотно принимала «десятину» трудом «на благо господ». Еще одно важное качество — церковное хозяйство не могло стать выморочным, как любое другое хозяйство того времени.

Единственными конкурентами экспансии церковников были хранители традиционных идеологических представлений и организаторы культовых ритуалов. В их распоряжении была идеологическая традиция организации всех сторон жизни доклассового общества, общества равных, но уже не стройная, с массой непонятных элементов, а главное — во многом уже не соответствующая реальному положению вещей. Хаотическое использование ее различных (по времени действия) наслоений в начальный период имущественного расслоения общества, произвольное использование ее аргументов в первичной политической борьбе, ее растущая неспособность приносить мир и благополучие всему этносу неуклонно подрывали ее авторитет и авторитет ее хранителей. Преимущество оказывалось на стороне церкви, тем более что она гибко соглашалась на принятие в свой «арсенал» некоторых безвредных ей элементов традиционных представлений, и старательно объясняла все положительные явления в конкретной действительности вмешательством божьей силы или силы местных канонизированных «святых», даже действием освященных «христианских амулетов». А за всем этим скрывалось все более укрепляющаяся и расширяющаяся строгая система феодальной эксплуатации, т. е. основанная на неотчуждаемом праве знати распоряжаться землей — основным средством производства. Со временем местная аристократия и обогатившиеся группы настолько запутываются в своей борьбе за «права» стихийного обогащения и в борьбе с народным сопротивлением, что охотно принимают и вероучение христианства, и каноническое право, и структуру ее приемов эксплуатации чужого труда.

Но полный альянс духовной и светской власти складывается далеко не сразу, да и установившись, он оказывается исполненным противоречий. На самых первых этапах, пока светская власть еще стихийна, хаотична, церковь либо «толкает» ее впереди себя, используя ее как физический инструмент внедрения и как щит, либо, идя впереди, делает из власти светской, военной, своеобразный арьергард, физическую опору своих достижений. Этот период, сколько бы он не длился, в основном соответствует первичным формам феодальных отношений к земле, так называемому «удельному сидению», когда имеющий власть (т. е. военную силу) распределяет подвластное пространство между своими ставленниками в «кормление» (т. е. для взимания с населения поборов для личного обогащения и, час-

тично, в пользу «центральной власти»). «Кормление» в ранний период практически невозможно без наличия в распоряжении «кормящегося» военной силы (дружины), с которой он обязан являться и по зову «дарителя права», почему и само «право» сохраняется в лучшем случае пожизненно, т. е. дается «за службу». Но такое право, полученное церковью, становится «вечным» и как бы распространяется на саму землю, а не только на часть труда ее населения. Так возникает новая форма земельного права. Новая — по существу, а не по количеству, так как и раньше были землевладения и большие, и средние, и маленькие, но ими владели «изначально», по праву архаической традиции, и в этом качестве их не разделяло и то, что одни обрабатывались самими землевладельцами, а другие — рабами или пришлыми людьми. «Изначальность» этого права была сомнительной, но внутренняя суть обязательно включала в себя факт земледельческого труда на них, если не самого владельца, то его предков (а само пространство могло быть захвачено силой). Кому бы такая земля ни принадлежала, она была наследственной и неотчуждаемой. Увеличение ее площади могло происходить только за счет земель соседних (чужих) этносов, если это удавалось.

Второй период раннего феодализма характеризуется стремлением крупной знати к установлению «вотчинного сидения», т. е. превращению служебного права «кормления» в наследственное право эксплуатации труженников на обширных территориях. В этом стремлении церковь, в силу ее невыморочности, оказалась не только «первопроходцем», но показала как бы «модель» такого права — «дарение» обладающим властью (или другой вариант, «коммендации» — обладающими древним наследственным правом) обширных угодий в «наследственное владение». Структурное развитие (система вассальных отношений) и внутренняя хозяйственная (отчасти и политическая) замкнутость наследственных синьорий, несомненно, были главной причиной политической дробности развившегося феодального общества. Королевская власть признавалась крупными сеньорами номинально, король не был «монархом» в буквальном значении этого слова, но он оставался персоной общезнающей, ибо развившийся феодализм не разрушал этноса, не нарушал (хотя и усложнял) его дальнейшее развитие, опиравшееся не на политические отношения, а на внутренний культурный взаимообмен, который всегда был главным двигателем культурного прогресса.

Сгущение и интенсивность этого культурного взаимообмена в расширяющемся (или сужающемся) ареале создавали этнокультурную однородность, формировали этническое единство любого уровня социального развития, а разряженность, ослабление или исчезновение (чем бы это ни вызывалось) культурного взаимообмена создавали этнические границы или становились причиной исчезновения (растворения) некогда существовавшего этноса. Во всяком случае, социально-политическая история, не только во время своего появления, но и в развитых интенсивных проявле-

ниях не оказывает прямого воздействия на развитие этнической общности. Это важно учитывать по той причине, что очень часто, хотя, может быть, и неосознанно, специалисты по политической (событийной) истории, «совмещают» политические границы и границы этнических единств, явления этнической истории и политические события, следствием чего возникает невольное завышение (а иногда и занижение) уровня социальной развитости изучаемого общества. Причина такого обстоятельства, когда речь идет о таком времени, от которого нет документальных (т. е. собственно историографических) письменных источников, нередко кроется в специфике источников сохранившихся, которыми обычно оказываются произведения старинной литературы или ранние записи устных произведений «на исторические темы». Конечно — «на безрыбье и рак — рыба», но «рак» — все-таки не «рыба». Ранняя запись чего угодно — «надпись», т. е. неизбежно, вследствие «магизма» самого письма, прежде всего — правовой документ, социальный (и даже этносоциальный) «амулет» той или иной значимости, документ довольно «равнодушный» к точной событийной истории. В этой связи любопытно обратить внимание на способы доказательства «истинности» в «Хеймскрингле» и сравнить их с таковыми же в так называемых «Эфиопских хрониках», описывающих примерно те же (по уровню развития феодальных отношений) процессы, что и в сагах об «исторических» конунгах, тем более, что Норвегия и Эфиопия, будучи во многом различны, имели хотя бы уже то общее, что у них феодализм развивался замедленно.

В «Хеймскрингле», как минимум, использованы два приема, должностующие придать тексту, сообщениям «абсолютную достоверность». Во-первых, это постоянные и обильные вставки из скальдической поэзии, параллельные содержанию прозаических рассказов, из сочинений скальдов-очевидцев. Во-вторых, мало варьирующиеся «зачины» почти каждого «сообщения», построенные по типу: «одного человека звали... У него было... сыновей, их звали...», или «... сын ... был конунгом в ... У него было пять больших кораблей, когда...» и т. п. «Гипнотизирующая» сила этих приемов столь велика, что даже современные скандинависты-исследователи допускают возможность фиксации в них действительно имевших место событий и неискаженной устной передачи рассказов о них в течение нескольких столетий (X–XIII вв.) вплоть до записи, особенно произведений скальдов-очевидцев.

Можно думать все, что угодно, но все же это сомнительно. Сомнение можно пояснить современными достаточно известными примерами, такими как авторские песни (а «из песни слова не выкинешь»); становясь популярными, «народными», они действительно не теряют слова, но иногда «меняют» их, и содержание приобретает другой смысл — или «улучшенный», или «ухудшенный», и устойчиво живет с этим новым смыслом. Более того, новый

смысл могут приобрести и слова. Да и два отмеченных приема в те далекие времена предназначались не для логических рассуждений, а для эмоционального восприятия, особенно песни «древних» скальдов. «Зачин» и вся манера прозаического повествования создавала эмоциональный «эффект присутствия», а поэтические строки «магией звучания» закрепляли этот эмоциональный настрой. Элементарная логика содержания приобретала силу непререкаемого извечного закона, хотя и составлялась для «оправдания» живых событий и не всегда была логичной.

В литературных произведениях средневековых эфиопских авторов, обычно называемых «Царскими хрониками», в тех же целях используется не менее двух приемов: первый заключается в почти таком же обилии имен живших тогда людей; второй прием по-своему близок к использованию цитат из скальдической поэзии (и видимо, играл ту же роль) — это постоянное цитирование Священного Писания, житий святых и других церковных книг. Следует заметить, что эти «хроники» записаны на древне-эфиопском (ныне мертвом) языке геез, литургическом языке эфиопской христианской церкви. И саги о конунгах (разумеется, исключая «Сагу об Инглингах»), и хроники негусов составлялись при жизни этих «королей» («монархов»). Встречаются исследователи, убежденные, что это делалось по повелению самих их главных «героев», но составлялись они не для просвещения последующих поколений (и не для того, чтобы мы знали историю давних времен), а как правовые и весьма объемные в этом смысле документы. Не склонность к литературному творчеству двигала пером автора, а особый «долг» перед многими (чьи имена в положительном или отрицательном освещении там и фиксировались), кому предстояло жить и занимать определенное социальное место после возведения в сан наследника. Вот этим-то обстоятельством и объясняются отмеченные приемы «абсолютной достоверности» и эмоциональной действенности. Иными словами, так писали не о прошлом (откуда и историографические неточности и даже несуразности), а о ближайшем будущем, очень важном для многих, о том, на что они могли рассчитывать, об их правах или бедах. Со временем из накопившихся саг или хроник создавали более или менее краткие (по изложению отдельных документов) своды, роль которых принципиально была той же. Все аналогичные документы имеют мало историографической ценности, они ценны как памятники старинной литературы и необычайно ценны для этносоциальной истории вследствие огромного содержания материала по живой реализации принципов архаического права. Например, в тексте «Хейскринглы» его так много, что в настоящем изложении удалось коснуться только ничтожно малой его части.